

Коробенкова, Н. Непрочитанные страницы войны [о Вокине И.Е.] / Н. Коробенкова // Бурятия. – 1994. – 11 окт. – С. 5.

НЕЛЛИ КОРОБЕНКОВА

НЕПРОЧИТАННЫЕ СТРАНИЦЫ ВОЙНЫ

(Продолжение. Начало в № 179)

Вокин Илья Елизарович из Слободы.

«Война застала меня в Карелии, где проходил действительную службу. Там и воевал. Больше с финнами, чем с немцами. 26-го июня Финляндия объявила нам войну, а 29-го июня я уже был на передовой. Наши пограничные войска приняли первые удары. Давила нас их техника. Еще как-то умудрялись и мы наносить контрудары, чтоб если не остановить, то хоть измотать, замедлить продвижение противника. (Историческая справка. На территории Норвегии и Финляндии были развернуты немецко-фашистская армия «Норвегия» и две финские армии. Всего 21 дивизия и 3 бригады. Их поддерживали

Немецкий флот и финская авиация. Эти войска имели задачу овладеть Мурманском и содействовать захвату Ленинграда. Великая Отечественная война 1941- 1945 гг. Энциклопедия. М., изд. Советская энциклопедия, стр.8).

Наша дивизия стояла на Выборгском направлении в районе Петрозаводска. Места здесь гиблые: болота, леса, валуны. Территория эта только перед войной перешла к нам по мирному договору с Финляндией, и потому здесь было много врагов новой власти. Шли тяжелые, затяжные бои. Впереди была неволя. Забросило меня в лагерный госпиталь. Три месяца провалялся. Сколько дознания был, никто не знает. Не слышал ничего и вдобавок ослеп. Речь восстановилась не скоро. Осадка- черепа - вот что сделала со мной взрывная волна. Выбрался я с того света благодаря хирургу из Ленинграда, Диитрию Николаевичу. Где он доставал рыбий жир, не знаю. Закапывал в уши, в глаза. На пятнадцатый день я чуть-чуть свет увидел. Едва оклемался, стали нас брать на работу хозяева-финны. Они нас вроде покупали, а точнее платили за нас в месяц 5 марок государству. Работа сельская, привычная. Лето жили в амбаре. Одного хозяина звали Вотта Хапаяки, другого Вилха Волкунен. Эти фермеры вроде ничего. Вот к помещику попали - гиблое дело. Весь день только и слышишь: «Исанта, исанта!» (пленный) или:

«Тулатанна» (иди, беги). Мы стали понимать, их язык: «лейп» - хлеб, «войта» - масло, «майта» - молоко.

Потом оказался я в лагере Нара Ярва. Фанерные бараки, народу до хрена. Мерзлая картошка. 150 граммов хлеба. Нашу одежду всю отобрали. Шинелишка драная финская или бушлат. И того бы не дали, если б на работу не гнать. Сказывали позже, 65 тысяч наших попало в этот «котел». Вернулось, опять же, по словам, 25 тысяч. Настово был мой второй лагерь (на полуострове Ханка в Балтике). Здесь ворота из Финского залива. Разбомбили все. Мы работали на лесоповале. Лучковой пилой должны напилить вдвоем за смену два кубометра. Командиры здесь были в основном немцы. А охранники всякие. Как-то один старик пленный (Цветков его фамилия) шепчет: «Сынок, а ты не комсомолец?».

- Комсомолец, - говорю.

- А где билет?

- Спрятал.

- Ты его съешь.

- Я не понял.

- Съешь, - говорит. - Даже если на кусочки разорвешь, соберут, расстреляют.

Съел я свой комсомольский билет. Был среди нас политрук. Никто его не выдал. Мы три раза побег делали. Пайки копили, хлеб с опилками. Но ушли всего на шесть километров. Ни карты, ни компаса, ни понятия об обстановке. Куда бежать? Малограмотные к тому же. Догнали охранники, наградили розгами и в другой лагерь. А то и убивали за побег. Был у нас Аникин. Расстреляли его возле лагеря, чтоб другой не бежал. Но мы все равно рвались на волю. Опытней стали. Изучаем часовых. Одного можно отвлечь, другого нет. И командир у нас нашелся, младший лейтенант Квашнев Александр. У него карта и компас сохранились. Ушли удачно. 8 километров до передовой осталось. И надо ж, выдал нас один, когда мы в пещере обосновались, передохнуть немного. Сам он потом старшиной над военнопленными стал. Но в 44-м году, когда заключили перемирие, заключенные его убили. Провалился и второй побег, однако подпольную организацию так и не раскрыли. Офицеров мы берегли. Если случится, при пленении не успеет офицер сорвать погоны, его в другой лагерь. Командиров держали отдельно и строже, чем рядовых.

За второй побег получили штрафной лагерь. Там хуже кормят (баланда) и розги отведает. Я имел семьдесят пять плетей за побег. А то еще есть помпа - резиновая дубинка. Она отбивает все, кровь горлом выйдет и растает человек, помрет. Я ничего не забыл. Меня били березовыми толстыми прутьями. Как финн бьет, легче. Но полицай взялся - все! Бьет с оттяжкой, всю шкуру спустит, да еще норовит, чтоб мясо от костей отстало. А после этого меня в тюрьму посадили на десять дней.

Смерти ждал каждую минуту. Духота, ничего не убирается. Сидели вместе с финнами, которые арестованы за то, что на советскую власть не пошли. К счастью, не успели нас кончить. Освободили в сентябре сорок четвертого в

связи с перемирием.

Приехал наш подполковник. Мы к тому времени стали полицаев, всяких иуд потихоньку убирать. То ли обменяли нас на финнов, то ли так освободили, не знаю. Но оказались мы в Москве. Сняли допросы. Запрос домой сделали. Особый отдел сильно не придирался ко мне. Я оказался чистый. Отец в кулачество не попал, справки хорошие. А у кого компромат, тот домой не скоро заявится. Было такое. С сорок четвертого до сорок шестого, еще два года, служил рядовым в войсках МВД. 7463-й конвойный полк. Скажи на милость! Теперь я конвоировал пленных немцев на поезда. Арестовывать не умею, так сопровождал. Фашисты в плену слабые. Никакого сравнения. И вот, поди ж ты, мерли. Нос обморозился - капут! Чирий сел - капут! А в Саратове, куда их возили работать, холодно в ту зиму было. В Красноярск власовцев везли. Несколько раз конвоировал немцев в Кировобад. После войны свою семью поднимал, четверых детей. 12 лет назад жену похоронил. Здоровье стариковское. На Ильин день исполнилось 73. Ноги обе прострелены. Лежал в Ленинграде в госпитале № 10, но на инвалидность не оформлялся. Документы, говорят, трудно схлопотать.

Живу одиноко. Вот телевизор полгода отремонтировать не могу. Удостоверение участника войны получил только в 1989 году».

(Продолжение следует.)